

*О. Е. Алпеев,
научный сотрудник Научно-исследовательского института
военной истории ВА ГШ ВС РФ;*

*Д. Ю. Козлов,
капитан 1-го ранга, кандидат исторических наук,
заместитель начальника Научно-исследовательского института
военной истории ВА ГШ ВС РФ*

ЗАРОЖДЕНИЕ КОАЛИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ В ВОЕННОМ ПЛАНИРОВАНИИ СТРАН АНТАНТЫ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Аннотация. В статье рассматривается история формирования коалиционной стратегии стран Антанты — России, Франции и Великобритании накануне Первой мировой войны. Рассматриваются обстоятельства заключения русско-французской военной конвенции 1892 г. и русско-французской морской конвенции 1912 г. Показывается влияние этих документов на развитие русского стратегического планирования в конце XIX — начале XX в., анализируется роль руководителей Военного и Морского ведомств Российской империи в установлении сотрудничества России с Францией и Великобританией в военной области. Делается вывод, что конвенции 1892 и 1912 гг. имели огромное политическое значение, однако в военных планах их требования почти не учитывались.

Ключевые слова: коалиционная стратегия, стратегическое планирование, Российская империя, Первая мировая война.

Alpeev O.E., Kozlov D.Yu.

THE FOUNDATION OF COALITION STRATEGY OF ENTENTE WAR PLANNING BEFORE WORLD WAR I

Summary: The article analyses the foundation of coalition strategy of the Entente (Russia, France and the Great Britain) before World War I. It studies the circumstances of the concluding of the Russian-French military convention of 1892 and the Russian-French naval convention of 1912. It shows the influence of these conventions on the development of Russian war planning in the late 19 c. and in the early 20 c. It analyses the role of Military and Naval leaders of the Russian empire in an establishment of cooperation of Russia, France and the Great Britain in the sphere of preparation for war. The authors come to conclusion, that conventions of 1892 and

1912 were of huge political value, but in strategic planning War and Naval ministries had failed to take their requirements into account.

Keywords: coalition strategy, war planning, the Russian empire, World War I.

Основы коалиционного взаимодействия внутри будущего Тройственного соглашения (Антанты) были заложены русско-французской военной конвенцией 1892 г. Это соглашение о взаимных обязанностях и совместных действиях в случае агрессии стран Тройственного союза — Германии, Австро-Венгрии и Италии — было выработано в процессе переговоров представителей военных и внешнеполитических ведомств России и Франции в 1891–1892 гг. и подписано 5 (17) августа 1892 г.

Впервые вопрос о заключении военной конвенции обсуждался в августе 1890 г. на встрече военного министра генерала от инфантерии П. С. Ванновского, начальника Главного штаба генерала от инфантерии Н. Н. Обручева и помощника начальника Генерального штаба французской армии бригадного генерала Р. Буадефра, состоявшейся во время маневров в Нарве¹. 15 (27) августа 1891 г. между Россией и Францией было заключено политическое соглашение Гирс–Рибо (названо по фамилиям министров иностранных дел), согласно которому стороны договаривались о совместных действиях в случае угрозы войны. Его подписанию предшествовали неофициальные переговоры между Н. Н. Обручевым и Р. Буадефром, проходившие в Париже в июне 1891 г.² В ноябре того же года на встрече Н. К. Гирса, А. Рибо и французского военного министра Ш. Фрейсине была достигнута договоренность о заключении военного соглашения. Подготовку текста взяла на себя французская сторона. Проект конвенции составили Фрейсине, начальник французского Генерального штаба Ф. Мирибель, военный губернатор Парижа и вице-президент Высшего военного совета Ф. Сосье; некоторые исправления в редакцию Фрейсине внес посол Третьей республики в С.-Петербурге Г. Монтебелло. 24 февраля (7 марта) 1892 г. он вручил текст соглашения Н. К. Гирсу, а 29 февраля (12 марта) документ был представлен на утверждение Александра III.

¹ *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 65; *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 309–310.

² *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы. М., 1968. С. 148.

Проект предусматривал сосредоточение главных сил союзников против Германии. Общая мобилизация вооруженных сил России и Франции объявлялась только в случае мобилизации Германии или всех стран Тройственного союза. Франция должна была развернуть на границе с Германией 1300 тыс. чел., Россия — 700–800 тыс., против Италии и Австро-Венгрии выставлялись оставшиеся силы. Таким образом, французский вариант проекта конвенции не в полной мере отвечал интересам России, т. к. ограничивал свободу ее действий на западной границе. Поэтому Н. Н. Обручев выступил против предложений французской стороны, потребовав включить в договор пункт о поддержке Францией России и в случае войны последней с одной Австро-Венгрией. Он возражал и против жесткого распределения вооруженных сил Российской империи, настаивая на сохранении ею права выбора направления главного удара³.

Французский проект конвенции и соображения Н. Н. Обручева стали предметом переговоров, начавшихся летом того же года в С.-Петербурге. В результате достигнутого компромисса русская сторона добилась от французской делегации обязательства объявить мобилизацию в случае войны России с одной только Австро-Венгрией. Уступкой французской стороне являлось сохранение жесткого распределения сил русской армии между Восточно-Прусским и Галицийским стратегическими направлениями. Н. Н. Обручев и Р. Буадефр подписали окончательный вариант конвенции 5 (17) августа; ратификация военного союза между Россией и Францией состоялась в ходе обмена письмами между Н. К. Гирсом и Г. Монтебелло 15 (27) декабря 1893 г. и 23 декабря 1893 г. (4 января 1894 г.)⁴.

Тест конвенции состоял из семи статей. Статья 1 определяла взаимные обязанности России и Франции в случае войны со странами Тройственного союза. В статье 2 указывалось, что в случае мобилизации войск Тройственного союза или одной из входящих в него стран Россия и Франция должны были провести одновременную полную мобилизацию своих вооруженных сил и выдвинуть их к границам. Союзники соглашались «со всей быстротой» перейти в наступление, «чтобы

³ Роль Н. Н. Обручева в заключении русско-французской военной конвенции подробно изучена современным российским историком О. Р. Айрапетовым. См.: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 259–270.

⁴ Манфред А. З. Указ. соч. С. 350.

Германии пришлось сражаться сразу и на Востоке и на Западе» (статья 3)⁵. Стороны договаривались о регулярных консультациях начальников генеральных штабов для обмена сведениями о вооруженных силах Тройственного союза и координации стратегического планирования (статья 4). Союзники обязывались не заключать сепаратного мира (статья 5) и устанавливали, что конвенция будет сохранять силу в течение всего срока существования Тройственного союза (статья 6, отменена в 1899 г.). Наконец, статья 7 устанавливала секретный характер договора.

Конвенция имела огромное политическое значение, но ее собственно военная роль была не столь велика, т. к. в предвоенном стратегическом планировании союзников требования договора учитывались мало.

Так, до начала войны с Японией русский Главный штаб фактически игнорировал положения конвенции, готовясь к исключительно оборонительным действиям на восточно-прусской границе с опорой на крепости «польского треугольника» — Новогеоргиевск, Зегрж и Варшаву, а также укрепления на Нареве и разрабатывая планы нанесения главного удара по Австро-Венгрии⁶. Подготовка планов вторжения в Германию велась в штабе Варшавского военного округа, однако в условиях безраздельного господства обручевской стратегии, отдававшей безусловный приоритет сокрушению Дунайской монархии, эти проекты обречались на роль «запасных вариантов», вероятность претворения которых в жизнь была крайне невелика⁷.

Более того, после дальневосточной катастрофы, приведшей к пересмотру основ русского военного планирования, российское военное руководство вынуждено было отказаться даже от формальной подготовки

⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 281.

⁶ О планах Главного штаба 80-х гг. XIX в. см.: *Зайончковский А. М.* Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов. М., 1926. С. 29–37; *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 64–71.

⁷ См. подробнее: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1859. Оп. 1. Д. 2341. Л. 1–46об.; Д. 2835. Л. 16–62; Д. 3026. Л. 1–22; *Алтеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872–1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Т. 10. М., 2011. С. 190–206.

к наступательным действиям против Германии. Вновь образованный центральный орган русского Генштаба — Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) — признал активные действия в начале войны невозможными, из-за чего план развертывания 1906/07 г. по «Мобилизационному расписанию № 18 восстановленному» оказался сугубо оборонительным⁸.

И только в наступательной концепции «Мобилизационного расписания 1910 года» союзнические обязательства перед Францией вышли на первый план, однако следует отметить, что важнейшей причиной возвращения русского Генштаба к планированию активных действий стало отнюдь не давление со стороны союзника, а постепенное восстановление вооруженных сил после Русско-японской войны.

23 января (5 февраля) 1910 г. начальник штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Ключев представил в ГУГШ «Сображения о наступательных действиях из района 2-й армии при войне с Германией и Австрией»⁹, где изложил концепцию концентрического наступления против Германии, и в течение следующий четырех лет Генеральный штаб проводил планомерную подготовку к вторжению в Восточную Пруссию, что вполне отвечало и интересам французов.

Впрочем, разработка в 1912 г. последнего предвоенного плана, предусматривавшего одновременное наступление против Германии и Австро-Венгрии, объясняется не столько стремлением соблюсти требования русско-французской военной конвенции, сколько совпадением целей и задач внешней политики и военной стратегии России и Франции. Ответственность за распыление сил между двумя стратегическими направлениями должна быть возложена прежде всего на руководство ГУГШ, переоценившего наступательные возможности русской армии.

Существенным недостатком в организации взаимодействия между союзниками в сфере стратегического планирования следует признать то обстоятельство, что в мирное время не были созданы постоянно действующие органы, ответственные за координацию действий в этой области.

Для таковой координации организовывались лишь совещания начальников Генеральных штабов, с разной регулярностью проводившиеся в 1900–1913 гг., однако они не могли в полном объеме обеспечить

⁸ См.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97. Л. 1–49; Д. 492. Л. 70–72об., 78–79об.; Ростунов И. И. Указ. соч. С. 88–90.

⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1790. Л. 49–57об., 59, 59об.

должную согласованность военных приготовлений. Наиболее важным следует, очевидно, признать совещание 1911 г., на котором начальник Генштаба генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский взял дополнительное обязательство перейти в наступление против Германии после 15 дней мобилизации¹⁰. Это обязательство вполне обеспечивалось возможностями железных дорог Европейской России, позволявшими отмобилизовать и сосредоточить полевые войска армий, выставляемых на восточно-прусской границе. Так, основная масса первоочередной пехоты 2-й армии Северо-Западного фронта, имевшей наибольшие сроки готовности, прибывала в район сосредоточения с 7-й по 13-й день, а с 18-го дня начинали поступать первые эшелоны второочередных дивизий, впрочем, использовать их в поле и не планировалось. Большая часть кавалерии могла быть готова в течение двух суток. Единственным первоочередным соединением, использование которого с 15-го дня оставалось под вопросом, являлся XIII корпус, парковые бригады которого прибывали только на 16-й и 19-й дни¹¹.

Кстати, в этом контексте расхожее мнение о том, что армии П. К. фон Ренненкампа и А. В. Самсонова вторглись в Восточную Пруссию совершенно не готовыми с точки зрения завершения мобилизационных мероприятий, содержит, очевидно, некоторое преувеличение. Не стоит гиперболизировать и результаты давления французов по поводу совершенствования железнодорожной сети в западных губерниях России и Царстве Польском. Действительно, кредит, в 1913 г. предложенный союзниками для развития железных дорог, способствовал сокращению сроков сосредоточения русской армии не только против Германии, что отвечало интересам Франции, но и против Австро-Венгрии¹².

Таким образом, Русско-французское соглашение 1892 г. сыграло определенную роль в формировании основ коалиционной стратегии Тройственного соглашения, однако его влияние на подготовку и ход первых операций на русском фронте мировой войны преувеличивать не следует. Тем не менее сотрудничество между Россией и Францией по вопросам стратегического планирования в конце XIX — начале XX в.

¹⁰ *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. М., 1919. Вып. 2. С. 113.

¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 762. Л. 92–106.

¹² *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 299–300.

стало первым основательным и продолжительным опытом организации межсоюзнического взаимодействия в военной сфере.

Морское министерство приступило к поиску форм взаимодействия с будущими союзниками по Антанте значительно позже, хотя одним из первых церемониальных, притом весьма эффективных проявлений складывающегося русско-французского альянса стал обмен официальными визитами отрядов боевых кораблей. В июле 1891 г. Кронштадт и Санкт-Петербург встречали эскадру адмирала А.-А. Жерве, а через два с небольшим года — в октябре 1893 г. — российский отряд под флагом начальника эскадры Средиземного моря контр-адмирала Ф. К. Авелана посетил Тулон¹³.

Однако Санкт-Петербург и Париж, объединившиеся для совместной борьбы против Центральных держав на сухом пути¹⁴, предпочли в иных, в том числе морских, вопросах оставить руки развязанными. Французское военно-морское руководство исходило из того, что «независимые действия обоих союзных флотов обещали быть более успешными». Надо полагать, оптимизм французов еще и изрядно поубавился в последние годы XIX в., когда на фоне сохраняющегося безусловного военно-морского доминирования Великобритании и перспектив скорого создания первоклассного линейного флота немцами¹⁵ взоры Николая II обратились на Дальний Восток, что неизбежно вело к ослаблению русских сил в европейских водах.

Фашидский кризис 1898 г., поставивший Францию на грань войны с Англией, заставил парижских стратегов вспомнить о русском флоте

¹³ *Сергеев В.В.* Военно-морское присутствие России в Средиземном море во второй половине XIX — начале XX в. // Роль флота во внешней политике России в Средиземноморском регионе. История и современность (Материалы региональной научно-исторической конференции 22 апреля 2009 года). Калининград, 2009. С. 34–37; *Мельников Р.М.* «Император Николай I» — звездные 1890-е // Гангут. 2001. Вып. 28. С. 3, 4; *Рукавишников Е.Н.* Визит кораблей Балтийского флота в Тулон (октябрь 1893 г.) // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 57–65.

¹⁴ См. подробнее: *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 169–174.

¹⁵ В 1898 г. новый статс-секретарь имперского морского управления А. фон Тирпиц провел через рейхстаг закон, согласно которому к 1903 г. германский флот должен был насчитывать 19 эскадренных броненосцев, восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 легких крейсеров. (См. подробнее: *Жерве Б.* Германия и ее морская сила // Морской сборник. 1914. №9. С. 146–148.)

как о факторе, могущем сковать британские морские силы на Дальнем Востоке, в Индийском океане и, возможно, в Средиземном море¹⁶. Однако и в этом случае до координации планов применения союзных флотов дело не дошло, хотя в 1901–1902 гг. впервые обсуждался вопрос о заключении русско-французского морского соглашения¹⁷. В это время флоты Франции и России являлись соответственно вторым и третьим в мире и могли составить действительную конкуренцию морским силам Великобритании, причем руководители английского адмиралтейства и многие из влиятельных флагманов (например, Дж. Фишер, возглавлявший на рубеже веков Средиземноморский флот) всерьез рассуждали о своей неспособности воспрепятствовать захвату Черноморских проливов русскими, действуя они в союзе с Францией¹⁸.

В России еще несколько лет продолжали смотреть на Великобританию как на потенциального противника¹⁹, однако антибританский компонент русско-французского альянса все более размывался по мере дипломатического сближения Парижа и Лондона. Поэтому, как удачно замечает современный исследователь, на рубеже веков «с точки зрения совместного военно-морского планирования и эффективного взаимопонимания союз остался совершенно платоническим»²⁰.

¹⁶ Roksund A. The Jeune École. The Strategy of the Weak. Leiden-Boston, 2007. P. 172.

¹⁷ См. подробнее: Гостенков П. А. Франко-русский союз и несостоявшаяся морская война с Англией // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта : материалы Третьих международных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург–Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.). М. ; СПб., 2007. С. 172–175.

¹⁸ См. подробнее: Папастратигакис Н. Британская стратегия: русский флот и Черноморские проливы / пер. с англ. Н. Эльдмана // Русский сборник. Исследования по истории России. 2010. Т. 9. С. 194–219.

¹⁹ В этом смысле показательно, что одной из целей двусторонних маневров Черноморского флота в августе 1903 г. являлась отработка действий в проливах против английской Средиземноморской эскадры. (См. подробнее: Айрапетов О. Р. На Восточном направлении. Судьба Босфорской экспедиции в правление императора Николая II // Последняя война Российской империи : сборник статей. М., 2002. С. 163.)

²⁰ Папастратигакис Н. Большая военно-морская стратегия России в начале русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие: международный исторический сборник / пер. с англ., под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004. С. 113.

Еще одна важная причина столь явного отставания морского ведомства от Военного министерства, которое, напомним, заключило военную конвенцию с Францией еще в 1892 г., состояла в том, что морскому ведомству удалось институализировать свою международную деятельность и поставить ее на планомерную основу только с учреждением в 1906 г. Морского генерального штаба (МГШ)²¹, к ведению которого относилось, помимо прочего, руководство работой военно-морских агентов (атташе)²². Последние помимо выполнения своих прямых функциональных обязанностей (сбор сведений о флоте страны пребывания, решение финансовых и технических вопросов, связанных с закупками вооружения и военной техники и др.)²³ часто брали на себя роль активных самостоятельных субъектов военно-дипломатической деятельности.

В феврале 1911 г. военно-морской агент во Франции, Испании и Португалии капитан 2-го ранга С. С. Погуляев вместе с послом в Париже А. П. Извольским стали инициаторами возвращения к идее «расширения союзных обязательств двух держав на действия их военно-морских сил» и принял участие в предварительном зондаже этого вопроса у французского министра иностранных дел С. Пишона²⁴. В донесении в МГШ об итогах своей деятельности²⁵ С. С. Погуляев обратил

²¹ Указатель правительственных распоряжений по Морскому Ведомству. № 27 Август 1906 г. // Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому Ведомству за 1906 год. СПб., 1907. С. 810–813.

²² *Емелин А.* Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2. С. 66.

²³ См. подробнее: *Емелин А. Ю.* История института русских военно-морских агентов (атташе) за границей. 1856–1918 гг. // Источник. Историк. История: сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 368–386; *Завьялов И. В.* Российские морские агенты о подводном кораблестроении за рубежом в канун Первой мировой войны // Гангут. 2010. Вып. 58. С. 61–80.

²⁴ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000. С. 138.

²⁵ Показательно, что при возвращении в Россию капитан 2-го ранга С. С. Погуляев был удостоен французскими властями редкими знаками благодарности: помимо ордена Почетного легиона президент К. Фальер преподнес Сергею Сергеевичу личный презент (ансамбль севрского фарфора) и направил в Санкт-Петербург официальную ноту с просьбой возвратить офицера в Париж после отбытия им корабельного ценза (С. С. Погуляев был назначен старшим офицером крейсера «Адмирал Макаров»). См. подробнее: *Я. В.* Контр-адмирал С. С. Погуляев // Морской журнал (Прага). 1938. № 125 (5). С. 2–4.

внимание руководства морского ведомства на необходимость установления «непосредственной связи» между морскими генштабами союзных держав.

Спустя год новый военно-морской агент в Париже капитан 1-го ранга В. А. Карцов в цикле неофициальных бесед с командующим Средиземноморским флотом вице-адмиралом О. Буэ де Лапейерером убедился в готовности французов к установлению «кооперации между русскими и французскими морскими силами»²⁶. Затем с одобрения главы морского ведомства И. К. Григоровича и министра иностранных дел С. Д. Сазонова и при энергичной поддержке со стороны посла В. А. Карцов вошел в «тесные отношения» с морским министром Франции Т. Делькассе²⁷ с целью подготовки визита начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена в Париж «для совместного с французским морским генеральным штабом обсуждения некоторых стратегических вопросов и для выяснения возможностей вступить с этим учреждением в постоянные сношения»²⁸.

Результатами совещаний А. А. Ливена с его французским коллегой вице-адмиралом К. Обером стали взаимное признание необходимости заблаговременной подготовки к координации действий союзных флотов путем непосредственных сношений морских генеральных штабов, включая ежегодные встречи их начальников, систематический обмен сведениями и даже согласование стратегических планов. После подписания 3 (16) июля 1912 г. русско-французской морской конвенции²⁹ МГШ приступил к обмену информацией с французским морским генштабом.

Принципиально важно, что на первых же совещаниях было оговорено, хотя и в самых общих чертах, «распределение ролей» между

²⁶ Письмо Российского Посла в Париже А. П. Извольского тов-щу Министра Иностранных Дел А. А. Нератову. Париж, 5/18 июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. : сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 230.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 341–343.

²⁸ Деренковский Г. М. Франко-русская морская конвенция 1912 г. и англо-русские морские переговоры накануне первой мировой войны // Исторические записки. 1949. Вып. 29. С. 95.

²⁹ Русско-французская морская конвенция, 3 (16) июля 1912 г. // Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 2 : Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 28.

будущими союзниками. Французы не могли обещать содействия русскому флоту на Балтике, так как по соглашению с Великобританией Северное море входило в зону ответственности последней. Зато К. Обер обещал помощь в Средиземноморье, взяв на себя обязательство воспрепятствовать прорыву в Черное море австро-венгерских и итальянских морских сил.

В руководстве российского морского ведомства были склонны весьма оптимистично оценивать результаты обмена мнениями с французскими коллегами. Любопытно, что внимание А. А. Ливена привлекла удивительная предупредительность французов и даже их готовность взять на себя некоторые обязательства, не требуя никаких, по существу, компенсаций от русских. Как нам представляется, уступчивость наших союзников имела политическую природу и была обусловлена стремлением Парижа укрепить военный союз с Россией всеми мерами, вплоть до некоторых авансов. Вероятно, именно поэтому в выработке проекта конвенции самое деятельное участие принял М. Палеолог, в то время занимавший пост политического директора французского министерства иностранных дел³⁰, а впоследствии ставший послом в России и далеко не последним лицом в петроградском политическом бомонде.

МГШ придавал большое значение готовности французов облегчить Российскому флоту задачу завоевания и удержания господства в Черном море путем давления на флоты Австро-Венгрии и Италии. Тем не менее ни при подписании конвенции, ни при состоявшейся в мае 1913 г. встрече А. А. Ливена с новым начальником французского морского генштаба вице-адмиралом Ле Брисом никаких конкретных договоренностей о взаимодействии в районе Проливов, т. е. в вопросе, важнейшем с точки зрения российского стратегического планирования на «южном театре», оформлено не было³¹. Некоторый прогресс в этом смысле был достигнут в июне 1914 г., при посещении Франции новым начальником МГШ вице-адмиралом А. И. Русиным. Сменивший Ле Бриса вице-адмирал Рибо высказал

³⁰ Письмо Российского Посла в Париже А. П. Извольского Товарищу Минра Ин. Дел А. А. Нератову. Париж, 5 (18) июля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. С. 229–231.

³¹ *Емелин А. Ю.* Деятельность русских военно-морских агентов во Франции накануне Первой мировой войны (личностный аспект) // Источник. Историк. История : сборник научных работ. СПб., 2003. Вып. 3 : История повседневности. С. 56, 57.

готовность передислоцировать основные силы французского флота из Тулона в Бизерту и тем на четверть сократить глубину оперативного развертывания французской корабельной группировки к Дарданеллам. Не возражали французы и против базирования на этот порт и российского корабельного соединения — бригады линейных крейсеров Балтийского моря, призванной пресечь прорыв германской «Средиземноморской дивизии» контр-адмирала В. Сушона в Дарданеллы³².

Однако практическую значимость подписания морской конвенции переоценивать, на наш взгляд, не следует. Документ лишь декларировал в предельно общих формулировках готовность сторон «действовать совместно», но не конкретизировал формы и организацию этого взаимодействия. Председатель Совета министров В. Н. Коковцов, ознакомившись с протоколом «первого обмена стратегическими взглядами», нашел желательным, чтобы «последующий обмен мыслей имел своим предметом более точное изложение как состоявшихся постановлений, так и последующего их развития»³³. Но и в дальнейшем прикладное «военное» значение этих контактов оставалось весьма ограниченным. Причем это утверждение представляется справедливым не только в отношении обмена сведениями технического характера³⁴, но и в отношении согласования планов применения российского и французского флотов.

Даже в ходе посещения Франции группой морских офицеров во главе с вице-адмиралом А. И. Русиным в июне 1914 г. (в состав делегации входили капитан 1-го ранга В. К. Пилкин, капитаны 2-го ранга М. И. Смирнов, А. А. Нищенков и В. Е. Егорьев и лейтенант Б. П. Апрелев) «вопросов стратегического характера ни с той, ни с другой стороны почти не имелось»³⁵. Поэтому на оперативно-стратегические калькуля-

³² Апрелев Б. Линейный крейсер «Гебен» // Исторические очерки. Книга вторая. Шанхай, [1935.] С. 178; Айранетов О. Р. На Восточном направлении... С. 176, 177.

³³ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 374. Л. 356; Копия с собственноручной заметки г. Председателя Совета Министров, С.-Петербург, 28 Июля 1912 года // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. С. 232.

³⁴ Достаточно сказать, что в феврале и апреле 1914 г. российский МГШ, не удовлетворенный объемом и качеством получаемой от французов информации, грозил приостановить выдачу своих сведений. (См. подробнее: Емелин А. Ю. Деятельность русских военно-морских агентов во Франции... С. 58, 59.)

³⁵ Апрелев Б. «Гебен» в войну 1914–18 г. (Воспоминания о роли германского линейного крейсера «Гебен» в минувшую войну 1914–1918 гг.) // Зарубежный морской сборник (Пильзень). 1930. № 9 (январь–апрель). С. 39.

ции нашего морского ведомства контакты с союзниками сколь-нибудь существенного влияния не оказали.

Накануне Великой войны специалисты МГШ приняли самое деятельное участие в подготовке русско-английского морского соглашения. Еще в сентябре 1912 г. С. Д. Сазонов поднимал вопрос о «*некоторой помощи со стороны британского флота*» во время своего визита в Великобританию, однако король Георг V и шеф форин-офис сэр Э. Грей не смогли «*дать определенного ответа, а тем более взять на себя какие-либо обязательства в этом отношении*». Лондон, впрочем, вполне допускал возможность оказания русским помощи «*в пределах практической возможности*», что, вероятно, выразилось бы в «*отвлечении на себя германских сил в Немецком (Северном. — О. А., Д. К.) море*»³⁶. Мысль о вторжении английских морских сил в Балтийское море не нашла поддержки со стороны вершителей внешней политики Великобритании, поскольку королевский флот рисковал оказаться «в мышеловке» (выражение Э. Грея) ввиду «*возможности Германии наложить руку на Данию и преградить выход через Бельт*»³⁷.

Весной 1914 г., российская дипломатия предприняла еще одну попытку искать сближения с англичанами «*в форме более конкретной, чем неопределенное сознание общей с ней опасности*»³⁸. Этому, надо полагать, изрядно поспособствовало и начало реализации амбициозных кораблестроительных программ. В апреле 1914 г. Николай II в беседе с великобританский послом Дж. Бьюкененом не преминул напомнить, что к 1917 г. Россия будет располагать на Балтике восемью дредноутами (речь шла о четырех линкорах типа «Севастополь» и четырех линейных крейсерах типа «Измаил»), которые окажут помощь английскому флоту, так как немцы вынуждены будут выделить значительные силы для сдерживания русского Балтфлота³⁹.

Кстати, в первые годы после войны с Японией многие чины Морского министерства в отличие от дипломатов традиционно причисляли Великобританию к вероятным противникам. В феврале 1906 г.

³⁶ Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск, 2002. С. 63.

³⁷ Доклады б. министра ин. дел С. Д. Сазонова Николаю Романову. 1910–1912 гг. // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 17, 18.

³⁸ Сазонов С. Д. Указ. соч. С. 64.

³⁹ Айрапетов О. Р. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. 2004. Т. I. С. 122.

вице-адмирал З. П. Рожественский настаивал на необходимости разработки «плана войны с Англией» как одного из вариантов плана применения Балтийского флота⁴⁰.

Однако в последние предвоенные годы на фоне форсированной милитаризации Германии значительная часть российской военно-морской элиты если не отказалась от сакраментальной англофобии вовсе, то, во всяком случае, вполне допускала возможность стратегического взаимодействия с великобританским флотом, что, очевидно, было обусловлено осознанием общности военно-политических задач обеих империй⁴¹. Иллюстрация тому — выдержка из меморандума начальника МГШ вице-адмирала светлейшего князя А. А. Ливена «Политическое значение России перед войной» (1912 г.)⁴². Впрочем, подобные метаморфозы во взглядах на Британию были характерны для российского общества вообще и его «политического класса» в частности. Как демонстрируют результаты новейших специальных исследований, «к весне 1912 г. ... все, за исключением крайне правых, были согласны с курсом на сближение с Францией и Англией»⁴³.

В мае 1914 г. генмором с участием представителей Министерства иностранных дел была выработана инструкция военно-морскому агенту в Лондоне флигель-адъютанту капитану 1-го ранга Н. А. Волкову, которому предстояло вести переговоры с первым морским лордом адмиралом Луи Баттенбергом⁴⁴. К середине июля проект соглашения был выработан, однако в силу целого ряда причин⁴⁵ завершить эту работу

⁴⁰ Рапорт генерал-адъютанта вице-адмирала Рожественского морскому министру от 7 февраля 1906 г. // [Шеглов А. Н.] Значение и работа штаба по опыту русско-японской войны. [СПб., 1906.] Ч. I. С. 57.

⁴¹ Сергеев Е. Ю. Имперские военные элиты России и Великобритании в конце XIX — начале XX века: опыт сравнительного анализа // Россия и Британия. М., 2006. Вып. 4 : Связи и взаимные представления. XIX–XX века. С. 228–246.

⁴² Цит. по: Игнатьев А. В. Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.) // История СССР. 1960. № 3. С. 112.

⁴³ Голубев А. В., Поршнев О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2011. С. 80.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 27. Л. 13; Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 32, 33.

⁴⁵ Из содержания документов, в 1921 г. изданных в Германии Б. фон Зибертом, явствует, что германское правительство было проинформировано о подготовке русско-английских переговоров по разведывательным каналам. (См. подробнее: Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны.

до начала мировой войны не удалось⁴⁶. Как писала берлинская газета «Миттаг» от 1 (14) августа 1914 г., «планы нашего противника не удалась, ибо война началась преждевременно»⁴⁷.

Таким образом, в предвоенные годы военно-морские контакты с союзной Францией и дружественной Великобританией так и не вышли на уровень, позволивший им оказать сколь-нибудь существенное влияние на содержание стратегического планирования в российском морском ведомстве, не говоря уже о направленности строительства нашего флота. Этого, кстати, нельзя сказать о взаимодействии в морских делах между нашими союзниками. Достаточно вспомнить, что именно соглашение с Францией позволило англичанам резко сократить традиционное военное присутствие в Средиземном море и сосредоточить лучшие силы своего флота в водах метрополии перед лицом германского Флота открытого моря, иными словами, реализовать принципиально новую, если угодно, идеологию дислокации и применения военно-морских сил⁴⁸.

Происхождение войны и международные отношения 1914–1917 гг. / под ред. И. С. Галкина. М., 1962. С. 71.)

⁴⁶ См. подробнее: *Ловязгин А.* Англо-русская морская конвенция (К материалам по истории подготовки России к мировой войне на море) // Морской сборник. 1929. № 2. С. 60–67; *Деренковский Г. М.* Указ. соч. С. 80–122; *Игнатъев А. В.* Незавершенный этап (к истории русско-английских переговоров 1914 г.). С. 107–118; *Луиева Ю. В.* Англо-российские морские переговоры накануне Первой мировой войны (1914 год) // Россия и Британия. М., 2006. Вып. 4. Связи и взаимные представления. XIX–XX веков. С. 194–206.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 324. Л. 38об.

⁴⁸ О морской политике Великобритании перед Первой мировой войной см. подробнее: *Лухарев Д. В.* Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток, 1993; *Романова Е. В.* Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 г. М., 2008; *Fisher J. A.* Memories and Records. N.Y., 1920; *Gooch J.* The Plans of the War. The General Staff and British Military Strategy (1900–1916). L., 1974; *Kennedy P.* Strategy and Diplomacy 1870–1945. L., 1984; *Marder A. J.* From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1904–1919. 5 vols. L., 1961–1970; *Massie R.* Dreadnought: Britain, Germany and the Coming of the Great War. NY., 1991; *Williams Rh.* Defending the Empire: The Conservative Party and the British Defence Policy. 1899–1915. New Haven; L., 1991; *Mackintosh G. J. P.* The Role of the Committee of Imperial Defence before 1914 // The English Historical Review. 1962. Vol. LXXVII. N 304; *Shiflett Ch. R.* The Royal Navy and the Question of Imperial Defense East of Suez, 1902–1914 // Warship International. 1995. № 4; и др.

Россия же от контактов с французами и англичанами подобных дивидендов не получила. Это стало одной из причин того, что предвоенные планы применения отечественного флота, особенно на Балтийском театре военных действий, страдали одновариантностью внешнеполитического контекста. «План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны» 1912 г.⁴⁹ был основан на предположении о неминуемом противоборстве с многократно превосходящими силами германского Флота открытого моря при невмешательстве Великобритании, т.е. на сценарии, наименее вероятном с политической точки зрения.

Причины такого положения, которое М. А. Петров справедливо назвал «поражительным несоответствием политики и стратегии»⁵⁰, разумеется, многообразны — это и несколько скептическое отношение наших будущих союзников к потенциалу Российского флота, потерявшего свою «союзопривлекательность» после катастрофы на Дальнем Востоке; периферийный и закрытый (следовательно, второстепенный в контексте европейской войны) характер Балтийского и Черноморского театров военных действий.

Однако главная, на наш взгляд, причина сложившейся ситуации (причем это справедливо в отношении и сухопутных, и морских контактов с будущими союзниками) — неспособность главного вершителя военной и внешней политики Российской империи — державного вождя Николая II — и верхушки государственной бюрократии интегрировать усилия оборонных министерств и внешнеполитической службы в видах обеспечения военной безопасности государства. Попытка же создания постоянно действующего механизма таковой координации путем учреждения в июне 1905 г. Совета государственной обороны успехом, как известно, не увенчалась.

⁴⁹ Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 418. Оп. 2. Д. 215. Л. 37–60.

⁵⁰ Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л., 1926. С. 247.